





Местные моряки рассказывают истории  
о ветре.

О том, как он зовёт неприкаянные души.

«Сделай шаг», — выдохом на стекле.

«Будь диким. Будь свободным!» — дрожью в снегопад.

«Следуй за своим сердцем», — росчерком  
морского течения.

«Сейчас, — шепчет грозное облако, — на-  
чинается история. Жили-были...»

Закрой дверь, устраивайся поудобнее.

Слушай внимательно, друг мой.

Сегодня ночью ветер зовёт тебя.





ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Элиза







## Глава 1

**В**етер искал историю, которую можно было бы рассказать. И началась она здесь, среди блеклых снеговых облаков, которые вьются высоко над городом. Здесь происходили тысячи событий, сотни «и жили они долго счастливо» и «ещё пока не долго и не счастливо», на которые можно было нарваться, рассекая улицы города на скутере. У каждого прохожего была своя история, и каждая достойна того, чтобы её рассказали. Но зимние вечера созданы для бесед у камина и сказок на ночь о зове сердца и героях.



Герой... Вот кого искал ветер.

Шаловливый порыв пронёсся по центру города и свернул на оживлённую Персиковую улицу. Снег не часто навевывался в этот город, поэтому жители были воодушевлены как никогда. Машины гудели и мигали огнями, сновали туда, сюда и обратно. Дети в полосатых шарфах оставляли свежие следы на тротуаре, припорошённом только что выпавшим снегом. Лавочник взобрался на хлипкую лестницу, чтобы повесить фонарики на витрину своего канцелярского магазина. Он поморщился, когда проказник-ветер бросил пригоршню снега ему в лицо.

«Не о нём, — решил ветер. — Не сегодня».

Ветер бросился на другую сторону улицы, взъерошив голубые пряди на голове молодого человека, который стоял на углу и перебирал струны своей старой гитары. Снежинки застревали в его ресницах. Он, как обычно, исполнял свою грустную песню о птицах-тенях и разбитых сердцах:

Я буду прижимать тебя к груди, пока могу,  
Но скоро, любовь моя,  
Ты упорхнёшь,  
Ты так живёшь...





Ветер зашептал меж струн: «Тсс, не ты, не сегодня, пока не ты».

Затем он резко свернул и начал подниматься выше, и выше, и выше, и... «Вот ты где!»

На другой стороне улицы, на двенадцать этажей выше всей этой суеты, в своей родной квартире, удобно устроившись на подоконнике, сидела одиннадцатилетняя девочка в очках, съехавших на кончик носа. Во рту она держала леденец на палочке, на коленях лежала раскрытая книга, глаза её блестели.

«Ты! — мягко прошептал ветер. — Пришёл твой час». Ветру хорошо известно то, о чём часто забывают все остальные: одиннадцатилетние девочки — самые могущественные из героев.

Друзья звали эту девочку Лиззи. Мама звала её Элиза. А у бабушки, бабули Моры, было особое прозвище для девочки. Она звала внучку Фениксом.

— Ты моя смелая яркая звёздочка, — говорила Элизе бабуля. — Твоё сердце бесстрашно, а кудри как огонь.

Элиза считала, что её волосы больше похожи на ярко-оранжевое облако, а не на багро-







вое пламя. Хотя неважно. Ей нравилось всё, что говорит бабуля Мора.

Элиза напевала себе под нос песенку, наблюдая, как кружится и падает на землю снег. С высоты двенадцатого этажа машины, сновавшие по дорожке туда-сюда, больше походили на разноцветных жуков, а детские шарфы — на леденцы. Мигающие фонарики, развешанные на витрине мистера Чана, напоминали паутину из радостных, дрожащих звёзд, а голубоволосый гитарист — чернильное пятно.

Элиза вынула вишнёвый леденец изо рта и с удовольствием причмокнула. Потом прокашлялась и взялась за леденец как за микрофон, чтобы подпеть гитаристу. Музыка сюда не доносилась, но слова девочка знала, потому что слышала эту песню каждый день по дороге в школу.

— «Но скоро, любовь моя, ты упорхнёшь, — пела Элиза. — Ты так живёшь...» — На этих словах она засмеялась. — Думаешь, летать весело, Диггори?

Диггори, кот Элизы, повернул свою пушистую рыжую мордочку в её сторону и вопросительно уставился на хозяйку.

— И я не знаю, — призналась Элиза,





протянув руку, чтобы пощекотать ему шейку. — Хотя это здорово упростило бы жизнь. Я бы проводила одну неделю в одном месте. А в другом — другую. В Атланте бывала б по праздникам. В Чаттануге — на осенних каникулах. — Элиза отправила леденец обратно в рот. — Летом — у моря. Будь я птицей, летала бы в любое из этих мест, когда захочу. Особенно на море.

Одна лишь мысль об этом славном месте, о море и лете заставила Элизу улыбнуться.

— Будь я настоящей птицей, — сказала Элиза, почёсывая Диггори за ушами, — я бы сейчас же улетела на крыльях из этого города прочь напрямиком на пляж. — Её грудь наполнилась теплом от одной лишь мысли о дрейфующих серых облаках и холодном песке. — Я бы нашла бабулин синий домик у моря и провела бы с ней все зимние каникулы. А ещё... Мне бы пришлось есть червей, будь я птицей, — она вздрогнула. — Лучше стать такой птицей, которая может по волшебству превращаться в человека. Не могу же я всё время есть червей.

Кот свернулся клубком на коленях Элизы, погрузившись в четырнадцатый по счёту





дневной сон под убаюкивающий голос девочки.

— У бабули Моры я больше чувствую себя дома, чем в этой квартире, хотя на самом деле это и есть мой настоящий дом, — сказала Элиза, поглаживая Диггори по спине. — Это странно?

Диггори начал мурлыкать. Или храпеть. Элиза не всегда понимала разницу.

— Быть может, всё дело в том, что тот дом настоящий, с фундаментом, — сказала она. — У него старые трубы, которые рычат и булькают, стоит только включить душ. А ещё в нём всегда пахнет печеньем, можно услышать шум океана, открыв окно, а не гудки и злобных голубей, как здесь. Всамделишный океан — это сила!

Услышав это, кот открыл глаза.

— А ещё, — продолжила девочка, — у бабули есть настоящий двор с деревьями, красными кардиналами, подсолнухами, почтовым ящиком и прочей всячиной. Разве не круто доставать почту из настоящего почтового ящика, а не из серебристой коробки в лобби? Ты же знаешь, что письма заставляют моё сердце биться чаще, да, Дигс?





Диггори знал. А ещё он знал, что у Элизы Грей в тот момент были три навязчивые идеи: красные леденцы в форме русалок, ламы и письма. Настоящие письма, написанные от руки и запечатанные в конверты. У Диггори была лишь одна навязчивая идея: еда. А ещё сон. Он встал, потянулся и зевнул так, что Лиззи почувствовала запах рыбы из его пасти.

— Фу, — засмеялась она. Потом выглянула в окно и увидела бумажные звёзды-фонари, которые подмигивали ей. — Я, конечно, люблю эту улицу. И город люблю. Но я не чувствую, что... это мой дом. Не всегда. Особенно когда праздники близко.

Элиза пересчитала только те окна на другой стороне улицы, в которых не было фонариков. В одних окнах горели красно-зелёные гирлянды, в других светились семисвечники. Через прозрачные шторы в одном из домов она смогла различить размытое мерцание гирлянды на ёлке.

Вы, наверно, подумали сейчас, что синеволосый музыкант должен был петь рождественские песни. «Может, он очень скучает по кому-то?» — размышляла Элиза. Иногда

